

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.11>

Октябрьская Ольга Святославовна

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ МАРКА ЕФЕТОВА "ПИСЬМО НА ПАНЦИРЕ"

В статье анализируется многоплановая структура повести Марка Ефетова "Письмо на панцире", в которой соединяются черты каникулярной повести, элементов приключенческого романа и мифа. Реалистическая основа создания главного пионерского лагеря СССР во многом дополняется космогоническим и евангельским мифами, а также культурными и литературными мифами о Китеже, Синеи Птице и накладывается на соцреалистический миф о "великой семье". Защита лагеря от фашистов рассмотрена через призму героического античного мифа, крымских этиологических мифов о появлении Адаларов и историко-культурного мифа о чудесном спасении от врагов прыжком со скалы, а сюжет о "каменном матросе" создает новую мифологию, восходящую к Медному Всаднику, призраку Башмачкина, образу Русалочки и т.д. Современный автору реалистический сюжет проанализирован через проекцию на соляренный миф и авторский неомиф.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 56-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Вагнера. Рождественский канон, включенный писателем в диалогическую структуру повествования, читателем переосмысливается на стыке романтической и реалистической традиций. Автор стремится к единому синтетическому взгляду на мир как единству духовного и материального начал.

Список источников

1. **Андерсен Х. К.** Сказки и истории. М.: Правда, 1980. 528 с.
2. **Бессонов М. С.** Три поколения Вагнеров – медиков, ученых, писателей и художников [Электронный ресурс]. URL: <https://karpinskimuseum.ru/tri-pokoleniya-vagnerov-medikov-uche> (дата обращения: 29.06.2019).
3. **Бунагян Г. Г., Чарная М. Г.** Литературные места Петербурга: путеводитель. СПб.: Паритет, 2005. 384 с.
4. **Вагнер Н. П.** Сказки Кота-Мурлыки: сказки. М.: ОГИ, 2009. 448 с.
5. **Глезеров С. Е.** Исторические районы Петербурга от А до Я [Электронный ресурс]. URL: <https://info.wikireading.ru/42620> (дата обращения: 20.02.2019).
6. **Глухой** [Электронный ресурс] // Даль В. И. Толковый словарь. 1863-1866. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/225246> (дата обращения: 29.06.2019).
7. **Гоголь Н. В.** Собрание сочинений: в 2-х т. СПб., 1902. Т. 1. 638 с.
8. **Горяшко А.** Загадки Кота-Мурлыки [Электронный ресурс] // Биология. 2006. № 15. URL: <http://bio.1sept.ru/article.php?ID=200601507> (дата обращения: 29.06.2019).
9. **Диккенс Ч.** Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Худ. лит-ра, 1959. Т. 12. 499 с.
10. **Достоевский Ф. М.** Мальчик у Христа на ёлке [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0540.shtml (дата обращения: 29.06.2019).
11. **Норина Н. В.** Жанровое своеобразие сказки Н. П. Вагнера «Пимперлэ» // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 10 (76). Ч. 2. С. 77-81.
12. **Раздьяконов В. С.** Творчество Н. П. Вагнера в религиозной культуре России последней трети XIX века [Электронный ресурс]: дисс. ... к.и.н. М., 2009. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/tvorchestvo-n-p-vagnera-v-religioznoj-kulture-rossii-poslednej-treti-xix-veka.html> (дата обращения: 29.06.2019).

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY OF N. P. WAGNER'S STORY "NEW YEAR"

Norina Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology

Solikamsk State Pedagogical Institute (Branch) of Perm State National Research University
nvn00@mail.ru

The article considers the ideological and artistic originality of N. P. Wagner's story "New Year", which previously has not attracted the attention of literary critics and historians of literature. The study focuses on identifying the peculiarities of the writer's worldview. The researcher tackles the following issues: artistic devices (linguistic means, story development techniques), the Christmas story canon as a basis of the storyline and its transformation in the story, poetics and the sources of images. N. P. Wagner's story is compared with the works of the giants of the West European and Russian literature of the XIX century – Ch. Dickens, H. Ch. Andersen, N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, N. A. Nekrasov. The analysis indicates that the complicated genre structure of N. P. Wagner's story combining the genre features of a tale, Christmas story and didactic story satisfies the author's didactic purpose: to evoke sympathetic feelings and to stimulate a young reader's thought.

Key words and phrases: literary tale; Christmas story; didactic story; concepts "baby" and "old man"; story structure; motive-figurative structure; intertextual relations; N. P. Wagner; story "New Year".

УДК 8.82.09

Дата поступления рукописи: 23.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.11>

В статье анализируется многоплановая структура повести Марка Ефетова «Письмо на панцире», в которой соединяются черты каникулярной повести, элементов приключенческого романа и мифа. Реалистическая основа создания главного пионерского лагеря СССР во многом дополняется космогоническим и евангельским мифами, а также культурными и литературными мифами о Китеже, Синей Птице и накладывается на соцреалистический миф о «великой семье». Защита лагеря от фашистов рассмотрена через призму героического античного мифа, крымских этиологических мифов о появлении Адаларов и историко-культурного мифа о чудесном спасении от врагов прыжком со скалы, а сюжет о «каменном матросе» создает новую мифологию, восходящую к Медному Всаднику, призраку Башиначкина, образу Русалочки и т.д. Современный автору реалистический сюжет проанализирован через проекцию на солярный миф и авторский неомиф.

Ключевые слова и фразы: Марк Ефетов; детская литература; каникулярная повесть; образ ребёнка; космогонический миф; героический миф; солярный миф; неомиф; крымский текст; крымский миф.

Октябрьская Ольга Святославовна, д. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
svyatolga@yandex.ru

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ МАРКА ЕФЕТОВА «ПИСЬМО НА ПАНЦИРЕ»

Мифологическая составляющая за последние два с лишним столетия стала неотъемлемой частью русской литературы. Так, литература XIX века активно обращается к античной мифологии, но при этом создает

собственную (к примеру, миф о Петербурге). В XX веке мифологическое начало буквально пронизывает всю русскую литературу. Именно тогда встаёт вопрос о крымском тексте, московском тексте, неомифологизме многих произведений русской литературы прошлого столетия и т.д. Современная наука активно опирается на те идеи, которые разрабатывались в XX веке. Так, мифологическое начало как составная часть поэтики произведений становится предметом осмысления крупных учёных прошлого столетия. К этому явлению обращались З. Г. Минц [8], Е. М. Мелетинский [7], В. Н. Топоров [9] и другие. В настоящее время этой проблемой интересуются такие исследователи, как Н. З. Кольцова [5], А. П. Люсый [6] и др., что свидетельствует о несомненной **актуальности** заявленной проблематики.

Детская литература XX века не стала исключением. Во многих произведениях, адресованных подрастающему поколению, удачно соединились реалистическая детализация, приключенческое начало, психологическая разработанность характеров героев, а также мифологическая основа произведения в целом. Во многом большое количество произведений XX века о детстве утопичны в своей основе – создаётся образ, с одной стороны, счастливого в целом советского детства, эксклюзивного и исключительного, но в частности во многом и драматичного, а в отдельных случаях и трагичного. Это ранее заметила и отметила И. Арзамасцева [1]. Многие жанры детской литературы немыслимы без мифологической составляющей, особенно это характерно для сказки. Однако не только сказка, фэнтезийные произведения, фантастика опираются на мифологическую основу. На мифе и неомифе выстраиваются и сюжеты реалистических произведений, особенно если в них речь идет о летних приключениях героев, воспроизводится особая атмосфера, раскрыт мир детской мечты и выстроена своеобразная субкультура детства. Свою нишу в этом плане занимают произведения, относящиеся к так называемому крымско-артековскому тексту. **Научная новизна** нашего исследования заключается в том, что впервые проанализирована повесть М. Ефетова «Письмо на панцире», в которой причудливо соединились античная мифология, культурно-исторические, литературные мифы и мифы, созданные временем и самим автором. **Цель** статьи – изучить своеобразие соотношения мифа и реальности в повести, в связи с чем ключевой задачей становится осмысление артековской мифологемы, пронизывающей повествование в целом.

Несмотря на то, что основное действие повести разворачивается не только в Крыму, но и в Новгороде, Москве и других местах, основой повествования становится именно артековский топос. Автор изображает не столько сам пионерский лагерь (а это главная ассоциация), но и уникальный крымский феномен в его настоящем и прошлом – реальном, историческом и легендарном.

Изначально Крым и Артек явлены на перекрестье мифа и реальности, где одно неотделимо от другого. С одной стороны, достаточно подробно описан сам лагерь, его местоположение, локация корпусов, распорядок жизни пионеров и вожатых, их взаимоотношения и интересы. Точная предметная, портретная и интерьерная детали, выразительная подробность позволяют не просто воспроизвести конкретно-бытовую картину, но и вполне реалистично представить динамику развития лагеря от его основания до момента действия повести Ефетова: «Тогда было всего восемь палаток и в них восемьдесят пионеров. А сейчас в Артеке в летнюю смену бывает почти пять тысяч детей. Вместе с нашей страной выросла ребячья республика, где десятки великолепных корпусов из стекла и алюминия... своя киностудия “Артекфильм”, эстрады» [3, с. 3-4]. Автор точен в воспроизведении деталей лагерной жизни, насыщенной разного рода событиями, а также портретов героев, взаимоотношений персонажей разного возраста, статуса, национальной принадлежности и т.д., что в целом формирует цельный и одновременно разноуровневый и многовекторный мир детства. С другой стороны, реалистическая составляющая взаимопересекается с мифологической.

Детский микромир в повести четко локализован в конкретных пространственно-временных границах (территория пионерского лагеря Артек, окружённого горами и морем, основные события происходят в течение одной лагерной смены в 1970-е гг. и т.д.), детерминирован поступками, поведением и взаимоотношениями героев и одновременно маркирован как «воплощенная утопия “счастливого детства”» [1, с. 5], а также рядом мифологем. Действительно, явлен особый детский микрокосм, где забываются проблемы, треволения и беды и начинается абсолютно новая жизнь. В то же время это своеобразная страна-мечта, где возможна реализация всех надежд, стремлений и желаний, куда устремляются дети, отмеченные особыми талантами, заслугами и умениями, то есть избранные персонажи, идущие к воплощению высокого идеала. У каждого приехавшего в лагерь школьника своя мечта, своя цель. Однако автор переключает индивидуальное сознание каждого героя на решение общих задач и проблем – помощь Вите, которой предстоит хирургическая операция, поиски черепахи-почтальона с важным посланием из прошлого, перевоспитание некоторых персонажей и т.д. Несмотря на то, что повесть описывает в основном мирную и вполне стабильную эпоху – 1970-е гг., отголоски войны, боевых действий и память о них становятся одним из мотивов повести. Таким образом, ставка сделана на преимущество коллективного сознания над индивидуальным. Личное почти полностью исчезает, соединяясь с общим и вливаясь в него, подчиняется коллективному. А это являлось важным маркером литературы предшествующего периода и выходило на уровень неомифа. Ефетов накладывает реалии современной ему действительности и лагерного существования на историко-культурный, историко-литературный и античный миф.

Процесс перевоспитания проходит практически каждый персонаж повести, и это сродни пребыванию в тридевятом царстве фольклорного героя и возвращению назад. Артек наделён волшебной преображающей и перерождающей силой, меняющей героя до неузнаваемости. Именно этот лагерь становится школой воспитания лучших человеческих качеств. Краткий период лагерной смены проецируется на достаточно большой временной отрезок – всю дальнейшую жизнь героя – и особо выделяется среди других. Именно этот пионерский лагерь аккумулирует в себе тот нравственный кодекс, к которому должны стремиться все в целом и каждый в отдельности. Сам Артек предстаёт особым уникальным микрокосмом, полным чудес,

превращений и приключений. Таким образом, из собственно реалистического сюжета вырастает неомифологическая составляющая повести, которая опирается на античные, средневековые, историко-культурные, историко-литературные мифы и рождает собственные.

Так, практически во всех произведениях артековского текста – и повесть Ефетова не исключение – реализуется космогонический миф о создании уникального феномена – лагеря Артек. Много внимания уделено и фигуре демиурга – создателя пионерской республики Зиновия Петровича Соловьёва. Если Бог Отец создал наш мир, то Зиновий Соловьёв нашел в этом мире райский уголок: «В местечке Артек, всего в нескольких десятках километров от Симферополя, жара смягчилась морским бризом. После горного перевала у прибрежной полосы, где ультрамариновое море вклинилось в густо-зелёные берега, дышалось легко» [3, с. 37]. Игра цветописью, звукописью и образностью накладывает на особую мифопоэтическую символику. Создается иллюзия присутствия при свершении чего-то сакрального: «Несколько дней ходил Зиновий Петрович по Крымскому побережью, пока не увидел красивый маленький залив напротив скал Адалары. Тут было особенно тихо: с востока залив прикрывала величественная гора Аю-Даг, а с других сторон бирюзовая чаша моря была защищена лесистыми хребтами гор и причудливыми скалами» [Там же].

Автор намеренно расширяет значение и роль созданного феномена, и Артек осмысливается неким градом Китежем, противостоящим иной ценностной системе: «Климат Артека сродни климату французского города Ниццы... Ницца – город миллионеров. Артек – страна счастливых детей» [Там же, с. 36]. Усиливается китежская мифологема соединением образа свободной морской стихии и замкнутого микрокосма Артека. Мотив свободы, вольности и счастья в сопряжении с образом моря прочно связан в сознании русского человека с творчеством А. С. Пушкина, с самым «морским» и «вольнлюбивым» периодом его творчества – Южной ссылкой. Пушкин не только восхищается уникальным локусом Крыма, но и является своеобразным пророком относительно будущего Артека, связывая его со своеобразной птицей удачи – Синей Птицей. Так, в диалоге Пушкина с местным жителем явственно прозвучала эта параллель, как только он перевел на русский язык название этой местности: «Артек, а по вашему... перепёлка. <...> Синяя птица. Мечта» [Там же, с. 35].

Создание лагеря Артек в повести актуализирует миф о великой семье [4], порождённой советской эпохой, а сам Зиновий Соловьёв ассоциируется с образом Отца по наличию таких качеств, как мудрость, доброта, надежность. Таким образом, повествование опирается на реалистическую основу рождения и становления уникального явления – пионерского лагеря Артек, а она, в свою очередь, насыщается мифологической составляющей, восходящей к космогоническим мифам, евангельским сюжетам, а также более современным литературным и культурным мифам и легендам о Синей Птице, граде Китеже и т.д. и сопрягается с соцреалистическим мифом о «великой семье».

Ефетов пишет не только о создании уникальной пионерской республики, но и осмысляет ещё один важный период жизни лагеря и страны в целом – защиту от фашистов в период Великой Отечественной войны, сохранение ценностных ориентиров, возрождение ребячьей страны. В связи с этим писатель актуализирует прежде всего героические мифы. Наряду с реалистическим планом изображения документально подтверждённых событий обороны Артека во время войны автор выходит и на метафизический план и мифологизирует образ не только защитников Артека, Крыма, но и в целом земли русской. В этом плане показательно две тенденции. С одной стороны, упомянуты девять бывших артековцев, погибших во время Отечественной войны, защищая Родину, память о которых свято чтится в лагере до сих пор. С ними связан мотив памяти, визуализированный в памятнике-камне с высеченными на нём именами. Своеобразный антураж – неброское тихое место – маркирован торжественностью ситуации: «Здесь никто никогда не бегаёт, громко не разговаривает, старается даже галькой не зашуршать» [3, с. 137]. Два разных поколения – предвоенное и послевоенное – объединены не только сопричастностью трагическим военным событиям, но и принадлежностью к общему артековскому братству и общим интересам, вневременному характеру героизма. Так, благоговейное отношение благодарных потомков к памяти о героях вписывается в устойчивую историко-литературную традицию, которая чтит память о погибшем на дуэли Ленском, самом Пушкине, Мальчише-Кибальчише и других: «Если... идёт человек военный, он остановится, станет по стойке “смирно”, приложит вытянутую ладонь правой руки к виску... Если вы не военный и не пионер, всё равно вы остановитесь и молча постоите несколько секунд» [Там же]. Данное явление вполне координируется с мифологической составляющей, за которой виден мотив преодоления смерти, реализованный в сюжете о «превращении» и «оживлении» [2]. Однако в 1920-1930-е гг. это связывалось с идеями либо перевоспитания человека (беспризорники, «бывшие», несознательные персонажи и т.д.), либо потери всех человеческих качеств и «возрождения» совсем в ином качестве (Шариков, Присыпкин и т.д.). В 1940-1950-е гг. эти мотивы оказались связаны с идеями сохранения и увековечивания памяти о героическом поступке конкретного человека или военной эпохе. Сходный принцип задействован Марком Ефетовым. Память о подвигах защитников Артека возрождает их образы в последующих поколениях как знаки особого времени, как дань благодарных потомков «героям былых времен». Особо выделен образ каменного матроса, который становится лейтмотивным для всей повести в целом. Писатель актуализирует жанры романа воспитания и романа о героической личности и проследивает весь короткий, но яркий жизненный путь Соловьёва, акцентируя внимание на самых знаковых эпизодах его биографии. Используя жанровые элементы житийной литературы, Ефетов воссоздаёт биографию обыкновенного юноши, насыщая её героикой и мифологемами. Болезненный ребёнок не только вылечился в Артеке от тяжёлого недуга, но и получил необходимую патриотическую и нравственную закваску. Его сиротство фактически вписало его в новую семью – семью Артека, которую он и стал истово защищать во время

войны. Фактически матрос Соловьев стал не просто одним из защитников лагеря, но и символом свободы и возмездия врагам за насилие, смерть и жестокость.

Само начало войны предстаёт варварским нарушением гармонии, счастья, детского праздника. Цветопись оказывается знаковой и наполняется новыми смыслами и символами: «В Артеке у самого моря в окружении гор смена караула небесных светил особенно величественна. Золотистая луна начинает тускнеть и скатывается с моря серебряную дорожку в тот самый миг, когда вылезает пурпурное солнце, окрашивая гребешки волн в красный цвет. Луна из золотой становится серебряной, затем почти белой, а солнце выбрасывает яркие лучи, зажигает искрами каждую каплю росы, румянит белые облака и тёмное небо красит в ослепительно голубой цвет. В ту тёплую крымскую ночь окна артековских спален были раскрыты и дежурный видел, как спали дети. Щёки их тоже были румяными, как утреннее небо. Ровное дыхание детей чуть слышно, будто шелест моря в безветренную погоду... В море уже была кровь Севастополя, который фашисты бомбили в самые первые минуты войны» [3, с. 16-17]. Покой, нежность, детство символизируют розовый, серебряный и золотистый оттенки, но с первыми бомбардировками Крыма чуть размытые и нечеткие полутона сменяются резкими, кричащими оттенками, символизирующими беду, насилие, кровь и смерть. Предутренние тишина, безмолвие и покой детского сна и безмятежности контрастируют с резкими звуками тревожного сигнала – «колоколом громкого боя» [Там же, с. 17].

Особо выделен один из защитников Артека – молодой матрос Соловьёв. В его образе и в описании его подвига саккумулировались и античный миф о герое, спасающем человечество, и собственно крымский миф о герое, превратившемся в каменное изваяние, и миф об ожившем памятнике, а также историко-литературный миф о посмертном возмездии обидчикам и явлении некой роковой для них силы, и историко-культурный миф о чудесном спасении от врагов прыжком со скалы. Таким образом, сюжет о «каменном матросе» становится частью культурно-мифологического пространства, а образ матроса Соловьёва и создаёт новую мифологему наряду с Медным Всадником, призраком Башмачкина, Русалочкой, Евпраксией Рязанской и т.д.:

«А наутро посмотрели фашисты на ту скалу и, ужаснувшись, повернули – и бегом от берега. Не скала из моря высилась, а шёл на них, раздвигая волны каменной грудью, тот матрос... Убитый матрос скалой шёл на фашистов» [Там же, с. 25]. Шипящее, бурлящее и штормовое море – эмоциональная реакция сил природы на издевательства фашистов над Соловьёвым: «В эту ночь в Артеке расходилось море. Волны самую вершину скалы захватывали. Шипели. Рычали. Кипели, как в раскалённом котле... Волны стали от скалы этой куски откалывать» [Там же]. Эта мизансцена становится основой легенды о защитнике Крыма и напоминает пушкинский сюжет о разгневанной Неве («Медный всадник»), являющийся частью петербургского текста.

Создание скалы-памятника в XX веке напрямую соотнесено с древним крымским мифом о создании скал близ Артека. Миф об Адаларах развёрнут именно к новейшей истории. Акцент сделан не на нравственной оценке поступков и поведения братьев-разбойников, а на исторической закономерности, актуальной во все времена: «Много веков прошло с тех пор, но меч, поднятый для злого дела, никогда не приносил добра тому, кто его поднимал. Так произошло и с фашистами-гитлеровцами, которые первыми начали войну против нашей Родины» [Там же, с. 28].

Крымский древний миф предстаёт в повести не только как иллюстрация патриотической идеи, но и выполняет собственно познавательную функцию, сообщая о происхождении причудливых местных достопримечательностей. Эти мифы предстают в повести в яркой образности и отдельных сюжетных образованиях, но и корреспондируют с основной фабулой произведения. Мифы о золотом пляже, об Аю-Даге явлены целиком в пересказе героев повести. Миф о Медведь-горе рассказывает своим подопечным вожатая Вера, а историю об образовании золотого пляжа Вита услышала от непоседливого Василя, желающего подбодрить подругу перед сложной операцией. Романтическая составляющая обоих мифов (пираты, награбленное золото, любовь воспитанницы медвежьего племени к прекрасному юноше и т.д.) максимально усиливает приключенческий колорит произведения и ставит в один ряд и древние легенды, и нынешние перипетии героев, ищущих черепаху-почтальона, осваивающих новые для них места и т.д.

Современный автору сюжет, исторические экскурсии, легенды и мифы во многом работают на общую концепцию повести показать преимущество советского образа жизни, менталитета перед западным или дореволюционным. Тип сознания, приветствующий материалистические ценности, личные удовольствия и сомнительные развлечения, мыслится как антиидеал, от которого человечество стремится избавиться: это и дореволюционное прошлое Артека, воплощённое в образе вздорной и взыскательной барыни; и западный меркантильный и расчётливый мир, где всё подчинено деньгам и материальной выгоде, где даже на экстренную операцию нужно «пускать шапку по кругу» [Там же, с. 109]; и эгоистические претензии избалованной Розы. Коллективистское сознание, особая пионерская дружба, преимущество советских нравственных ценностей над иными особенно в наше время воспринимаются через призму утопии.

Реалистический и условный планы тесно переплетаются в реализации одного из самых знаковых для данной повести мифов – солярного. Солнце пропитывает повествование Ефетова насквозь: море, крымский пейзаж, летний период времени действия усилены радостной атмосферой, царящей в отрядах, праздничным пионерским костром, горячим ожиданием заветной поездки в Артек. Образ рыжеволосой девочки, сохраняющей оптимизм даже несмотря на своё сиротство по матери, собирающей осенние разноцветные листочки, которые напоминают о летнем солнышке холодной и длинной новгородской зимой, тоже даёт основание для воплощения этого мифа.

Таким образом, миф и реальность в повести Ефетова «Письмо на панцире» тесно переплетены. Писатель обращается к античному, древнему крымскому мифу (космогоническому, солярному, героическому, этиологическому), к мифу культурно-историческому и литературному, сам создаёт неомиф и сопрягает его с реалистическим сюжетом каникулярной приключенческой повести.

Список источников

1. Арзамасцева И. Н. «Крымский текст» детской литературы: история и современность // Литература в школе. 2015. № 6. С. 4-7.
2. Голубков М. М. Мистика Москвы. Повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» как претекст «московского текста» // Проблемы неклассической прозы: сборник статей / сост. и гл. ред. Е. Б. Скороспелова. М.: МАКС-Пресс, 2016. Вып. 2. С. 149-163.
3. Ефетов М. Письмо на панцире. М.: Детская литература, 1976. 160 с.
4. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 72-96.
5. Кольцова Н. З. «Мы» Евг. Замятина как неомифологический роман // Проблемы неклассической прозы: сборник статей / автор науч. проекта, сост. и ред. Е. Б. Скороспелова. М.: ТЕИС, 2003. С. 88-104.
6. Люсий А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.
8. Минц З. Г. О некоторых неомифологических текстах в творчестве русских символистов // Учёные записки Тартуского университета. 1979. Вып. 459. С. 76-120.
9. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с.

MYTH AND REALITY IN MARK EFETOV'S STORY "THE LETTER ON TURTLE SHELL"

Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna, Doctor in Philology
Lomonosov Moscow State University
svyatolga@yandex.ru

The article analyses the multi-dimensional structure of Mark Efetov's story "The Letter on Turtle Shell", which combines the features of a vacation story, the elements of an adventure novel and myth. The realistic story of creating the most famous Young Pioneer camp of the USSR is supplemented with cosmogonic and evangelical myths and cultural and literary myths about Kitez, the Blue Bird and is superimposed on the socialist realistic myth about "big family". Defence of the Pioneer camp from fascists is considered through the lenses of the ancient heroic myth, the Crimean etiological myths about the appearance of Adalary rocks and the historical and cultural myth about miraculous escape from the enemies by jumping from the rock; the "stone sailor" story creates a new mythologeme tracing its origin to the Bronze Horseman, Bashmachkin's ghost, the Mermaid image, etc. The current realistic story is interpreted through the prism of the solar myth and the author's neo-myth.

Key words and phrases: Mark Efetov; children's literature; vacation story; child's image; cosmogonic myth; heroic myth; solar myth; neo-myth; Crimean text; Crimean myth.

УДК 801.73

Дата поступления рукописи: 25.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.12>

Статья посвящена анализу воплощения сюрреалистической традиции в рассказе Ю. Мамлеева «Валюта». Установлено, что прозаик синтезирует сюрреалистическую традицию (обращение к бессознательному и подсознательному, мотив сна) с элементами готики (создание атмосферы страшного, ужасного). В связи с этим ключевыми особенностями рассказа выступают следующие: сочетание иррационального с натуралистичностью изображения; разработка мотива покойника и изображение мертвецов; существование героя на границе сна/яви, жизни/смерти; изображение пересечения мира реального и ирреального, который персонажи стараются постичь.

Ключевые слова и фразы: Ю. Мамлеев; рассказ; сюрреализм; образ; прием; фольклорный мотив.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор

Трушкина Алена Петровна

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
ostmikhina@inbox.ru

Арестова Ольга Денисовна

Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Лицей № 14 имени Заслуженного учителя Российской Федерации А. М. Кузьмина», г. Тамбов
olyaarestova2013@yandex.ru

**СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ ПРОЗЫ Ю. МАМЛЕЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ВАЛЮТА»)**

Общеизвестно, что отечественная литература XX – начала XXI века характеризуется многообразием стилей и приемов, синтетическим характером большинства произведений, соединяющих в себе элементы различных жанров [13, с. 190], свойства многочисленных течений и направлений (к примеру, реализма и неореализма в творчестве З. Прилепина и С. Шаргунова, модернизма и постмодернизма в прозе М. Шишкина и т.д.), в том числе, натуралистические, готические и сюрреалистические тенденции. В связи с этим **актуальность**